

ЕГОР ТИНЯТОВ

ЛИЧНАЯ КУХНЯ

Сборник

Егор Тинятов

Личная кухня

<https://litres.ru/74263802>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оглядываясь на судьбы других людей, невольно задумываешься: а всё ли я делаю правильно? И больше всего страшишься услышать откровение на этот внутренний вопрос. Ведь оно может оказаться абсолютно непредсказуемым - и станет либо облегчающим спокойствием, либо гнетущим ужасом, не сопоставимым с обычными душевными тревогами.

Что может объединять совершенно разных людей, где бы они ни находились? У вас может быть на это свой ответ, но я скажу: нелёгкие судьбы.

Герои этих повестей и рассказов однажды переступили черту, за которой возврата нет. Они пытаются убежать от прошлого, но оно настигает их в глухом лесу, в кабинете пограничного контролёра, на яхте посреди океана, в коридорах странного отеля. Каждый из них стоит перед выбором, и каждый платит за него свою цену.

Содержание

От Автора	4
ГОРЬКИЙ КОФЕ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Егор Тинятов

Личная кухня

От Автора

Когда было принято решение опубликоваться и издать эту книгу, я долго размышлял над тем, какие истории, хранящиеся у меня, включить в содержание. Поэтому эта идея растянулась на долгие месяцы. В один из трудных вечеров, во время того как я в очередной раз задумался об этом, осознал, что именно хочу рассказать всем тем из вас, читатели, кто сможет продвинуться дальше этого предисловия.

Оглядываясь на судьбы других людей, невольно задумываешься: а всё ли я делаю правильно? И больше всего страшишься услышать ответ на этот внутренний вопрос. Ведь он может быть абсолютно непредсказуемым и станет либо облегчающим спокойствием, либо гнетущим ужасом, не сопоставимым с обычными душевными тревогами.

Особое внимание было уделено тишине, как вы сможете узнать несколько позже. Это одно из самых мощных явлений, по моему мнению, которое влияет на психическое состояние человека.

И нет, это не книга рецептов, как могло показаться из названий, которые я дал своим творениям. Это несколько боль-

шее. Скорее, внутренние волнения, страхи и переживания, о которых невольно задумываешься, сидя на этой самой кухне. И чем я захотел поделиться, до последнего сомневаясь в своих действиях.

Каждый найдёт своё и, возможно, поймёт несколько иной смысл, отличающийся от такого, который закладывался в написанные строки. Ведь не создавалось единственно верного ответа на вопросы, заданные героями. Возможно...

Но я не оставляю надежды, что даже это откликнется в вас и также поспособствует вынесению новых жизненных уроков, которые помогут в формировании решений. Как делать стоит, а что не рекомендуется. Ну и, конечно, как Автор, надеюсь, что читатель получит удовольствие после прочтения и, возможно, через время вернётся к этой книге и посмотрит на то или иное произведение, упомянутое здесь, уже с другой стороны.

Эти произведения посвящаются моей дорогой и горячо любимой группе лиц, без которых, возможно, они не были бы напечатаны на этих страницах. Я вряд ли ещё упомяну их в данной книге, но если и сделаю это, то только таким образом. МР, которого буду называть Братом, и ЕМ, кого обзову Сестрой. АП, которую особенно отмечу Страницей. ДА, наречённая Адвокатом, и МА, мною именуемая Холли. КВ, окрещённый Кардиналом. МД, выбранный Председателем. И ЕА, означенная Экологом.

Ну и, конечно, трём дорогим и любимым родным людям,

которых не буду никак называть, а просто обозначу: ЮГ, АВ, ЕВ.

ГОРЬКИЙ КОФЕ

В каждом из нас стремление к добру уживается со склонностью к злу, и, по моему глубокому убеждению, мы живём в мире, почти неведомом нам, изобилующим провалами, тенями и сумеречными созданиями.

Говард Филлипс Лавкрафт, «Зов Ктулху»

Как-то Брат с Сестрой сказали мне, что мир неизбежно несётся в бездну. Я выпил кофе, который отдал сильной горечью, и понял, как попытаться всё исправить.

Автор

На непримечательном дворе стоял совершенно обычный день. Юрий, небрежно потирая колючую щетину, пристально смотрел в одну точку и слушал прерывистую волну радио.

– Сегодня в нашем светлом уголке угрюмой планеты будет, не переставая, светить солнце. Даже природа благоволит победному параду, который пройдёт по всей территории нашей прекрасной Родины, – вещало радио.

Юрий время от времени хмыкал, и уголок его рта игриво дёргался, но тут же, будто по приказу, возвращался на своё обычное место.

– Уже через несколько часов к Великой нации обратится

Отец народов и защитник земель. Это ежегодное выступление уже стало обязательной частью празднования Дня свободы...

— ...свободы... — не задумываясь, повторил Юрий, хмыкнув.

— ...Оставайтесь с нами в эфире! Не пропустите это грандиозное событие. А пока приглашаем вас, дорогие слушатели, насладиться вместе с нами музыкальными композициями. Между прочим, стихи читает народный артист Республики Григорий Артемьев. Песня «Единение».

Юрий выключил прибор и откинулся на спинку скрипучего, ободранного кресла.

Мужчина закрыл глаза, и комната погрузилась в тягучую тишину, нарушаемую лишь стрекотом сверчка где-то за растрескавшимся подоконником. Солнце, вопреки обещаниям диктора, пробивалось сквозь пыльные шторы робкими, даже какими-то виноватыми лучами. Оно освещало на стене единственное украшение — выцветший портрет человека с густыми усами и тяжёлым, неморгающим взглядом.

За толстым защитным стеклом раздался приглушённый звонок. Юрий встрепенулся, выпрямился, отчего у него щёлкнул позвоночник, и занял положение ожидающего.

— Входите, — коротко произнёс мужчина в микрофон, подвешенный сбоку.

Массивная дверь за стеклом открылась, и в плохо освещённое помещение вошла молодая девушка.

– Документы, – продолжил Юрий и выдвинул ящик в окошке.

Она, немного замаявшись и топчась на месте, дёрнулась и положила стопку пожелтевших бумаг в ящик.

– Долго, – нахмурился мужчина, протягивая руку к документам.

Он открыл паспорт, на котором позолоченной печатью было выгравировано: «Испа» – на зелёном фоне. Юрий посмотрел в лицо девушки. Испуганное, уставшее, с большими фиолетовыми потемнениями под красивыми зелёными глазами. Тёмные волосы не уложены и скорее напоминали гнездо небольшой птицы, спрятавшейся среди локонов.

«Вроде похожа. Но на фотографии моложе, – оценил про себя Юрий, рассматривая фотографию. – Номер, индивидуальный код, год рождения. В норме».

Мужчина, медленно нажимая клавиши клавиатуры, ввёл данные в систему. Перед ним после непродолжительного ожидания на толстом выпуклом мониторе возникло досье на гражданку.

– Цель въезда? – строго спросил Юрий, сверяя данные с медицинского удостоверения.

– Мама... мама болеет, – сглотнув слюну, взволнованно промямлила девушка.

Юрий проверил прописку на подлинность, введя адрес и цифры в систему, которая, на его удивление, работала без перебоя.

– Время визита? – медленно произнёс Юрий, читая служебную записку.

«Многоуважаемый Комитет!

Я, полноправная гражданка Республики и Испы, Иванова Ирина Игоревна, прошу разрешения на въезд на территорию первой по семейным обстоятельствам в срок до первого июньгуста тысяча девятьсот пятьдесят третьего.

К сожалению, моя мать, полноправная гражданка Республики, Иванова Татьяна Васильевна, попала в первую городскую столичную больницу с ишемическим инсультом¹.

С уважением,
ИИИ».

– Планирую... Если всё будет хорошо, то до первого числа следующего месяца. Если нет... То буду продлевать, – успокоив себя дыханием, сказала девушка.

Юрий замер на несколько секунд, задержав взгляд на тонкой линии её шеи, где бешено пульсировала жилка. Он уже почти нажал кнопку утверждения, но что-то в её глазах – этот неконтролируемый страх, который он так хорошо умел распознавать, – заставило его заново перелистать подшивку.

– У вас несовпадение по графе «социальная нагрузка», – голос Юрия стал вкрадчивым, почти ласковым. – Здесь стоит пометка «Не рекомендованный контакт». Ваша мать, Иванова Татьяна Васильевна, три года назад не прошла доброволь-

¹ Ишемический инсульт (инфаркт мозга) – нарушение мозгового кровообращения с повреждением ткани мозга.

ную аттестацию лояльности. Это так?

Ирина побледнела ещё сильнее, и фиолетовые тени под глазами стали похожи на свежие синяки.

– Это ошибка... Мама просто не смогла прийти, у неё тогда было давление. Мы подавали апелляцию...

– Апелляция отклонена. – Юрий захлопнул папку с правилами проверки, и облачко пыли повисло в луче робкого солнца. – Ваш въезд сокращён до недели, после чего вы будете обязаны сообщить в Комитет о своём выезде. После контакта с лицом, не прошедшим аттестацию, вам будет запрещён въезд на территорию Республики на три месяца с момента выезда. На основании пункта двенадцать-бис. Можете обжаловать в Комитете через семьдесят два рабочих дня.

Радио, будто издеваясь, заиграло гимн на полную мощность, хотя контролёр его не включал. С техникой такое бывало время от времени – тумблер ослаб. Юрий медленно, очень медленно, достал печать, снова поставил штамп – поверх старого, запретительного – и размашисто написал: «Срок сокращён. Основание – особый контакт».

Когда дверь за ней закрылась, он откинулся в кресле.

Юрий поднёс кружку с давно остывшим кофе к губам. Горький. Как всегда.

Он выключил радио, нажал кнопку селектора и устало сказал в микрофон:

– Следующий.

Юрий провёл ладонью по щетине. Под пальцами кожа бы-

ла сухая, горячая. Он посмотрел на портрет на стене. И вдруг ему почудилось, что нарисованные губы шевелятся. «Правильно делаешь, сынок», – мог бы сказать портрет, если бы умел. Или: «Почему засомневался?»

Дверь с привычным скрипом открылась. В помещение ввалился парень.

Парень был полной противоположностью только что ушедшей девушки. Он вошёл не робко, а вразвалочку, будто заходил в собственную приёмную. На нём был новенький, ещё с заломами от упаковки, костюм тёмно-синего цвета, а начищенные ботинки отражали тусклый свет лампы дневного освещения. От него пахло дешёвым, но резким одеколоном «Пик Победы», который выдавали в каждой военной лавке. Это Юрий почувствовал даже через небольшую вентиляционную трубу сверху.

– Документы, – голос Юрия прозвучал глуше, чем минуту назад.

Парень небрежно кинул паспорт и какую-то зелёную книжицу прямо в ящик, открытый контролёром. Юрий поморщился, но промолчал. Он потянулся, забрал бумаги.

Паспорт был стандартный, Испы, но с голографической вкладкой последнего образца. Юрий механически вбил номер в систему. На мониторе высветилась фотография: молодой человек с короткой стрижкой, чистым лицом и прямым, почти нахальным взглядом.

Антонов Кирилл Андреевич. Двадцать три года. Место

рождения: столица, Первый медицинский квартал. Социальный рейтинг: девяносто семь и четыре десятых. Нагрузка: отсутствует. Аттестация: пройдена добровольно, подпись о согласии стоит.

– Цель въезда? – спросил Юрий, хотя уже знал ответ – в графе было написано: «Туризм. Ознакомление с культурно-историческим наследием». Но он ждал устного подтверждения.

– Да так, – парень усмехнулся, поправил галстук. – Посмотреть, как вы тут живёте. Путешествовать люблю. Турист.

– Принято, – сухо подтвердил Юрий. – Время визита?

– Две недели. Обратный билет на руках. – Кирилл вытащил из внутреннего кармана пиджака талон и прижал к стеклу. – Можете не искать проблем. У меня всё чисто.

На мониторе не было ни одной красной пометки. Ни одного предупреждения. Даже родственников с подмоченной репутацией не значилось. Ровный, стерильный профиль, какой система любит больше всего.

– У вас, – Юрий сделал паузу, в последний раз пробежавшись глазами по графе «особые отметки», – въезд разрешён на четырнадцать суток. Продление только через Комитет при наличии уважительной причины.

Он поставил печать – чётко и ровно, на положенное место. Штамп лёг безупречно: зелёный круг с надписью: «Допущен. Республика».

Кирилл забрал документы, даже не поблагодарив. На пороге он обернулся.

– Слышал, у вас сегодня парад. И Отец речь толкнёт. Посмотрю. – Он кивнул на выключенное радио. – А вы, я смотрю, не слушаете?

– Рабочий день, – отрезал Юрий.

– Ну да, ну да, – парень усмехнулся шире. – Удачи вам, гражданин контролёр. Свободы вам.

Дверь за ним закрылась с гулким хлопком.

Юрий посидел неподвижно, глядя в пустой экран монитора.

Он сделал глоток. Кофе давно превратился в холодную, кислую жижу.

– Следующий, – сказал он в селектор, но кнопку не нажал. Просто по привычке – в пустоту.

– Следующий, – повторил он уже громче, нажав наконец кнопку селектора.

Металлический скрежет подтвердил, что сигнал ушёл. Юрий поправил ворот форменной рубашки – она натирала под правой подмышкой, где старая пуговица была пришита криво. Но нужно было выглядеть по уставу. Иначе выговор. А другой рубашки не выдавали.

Дверь открылась не сразу. Сначала послышалось нерешительное шарканье, будто человек примерялся к порогу и никак не мог решиться перенести тяжесть тела. Потом дверь всё же поддалась, и в помещение, почти вжав голову в плечи,

вошёл мужчина.

Лет сорока пяти. Может, пятидесяти. Щетина серая, не такая, как у Юрия – колючая, своя, а какая-то больная, редкая, будто волосы вылезали клочьями, и он их безжалостно сбрасывал. Очки в толстой металлической оправе сползли на кончик носа, мужчина поправил их дрожащей рукой. Куртка старая, армейского образца, но без знаков отличия – застиранная до дыр на локтях. Он прижимал к боку полиэтиленовый пакет, из которого выглядывала горбушка буханки хлеба и что-то завернутое в газету.

Он не подошёл к окошку сразу. Остановился в трёх шагах, переминаясь с ноги на ногу, и уставился в пол. Там, в углу, кто-то давно раздавил окуроч, и на сером кафеле осталось чёрное полукруглое пятно – след подошвы.

– Я сказал: документы, – голос Юрия прозвучал ровно, без раздражения.

Мужчина вздрогнул. Пакет с хлебом едва не выскользнул, но он прижал его локтем. Мелко, часто закивал, подошёл к окошку и запустил трясущиеся пальцы во внутренний карман куртки. Достал паспорт, сложенную вчетверо служебную записку и ещё какую-то бумажку, пожелтевшую, с жирным пятном посередине – видимо, от супа. Положил всё это в ящик, но руку убрал не сразу. Подержал над ящиком, будто хотел что-то сказать, но передумал.

– Фамилия? – Юрий уже раскрыл паспорт.

– Марченко, – еле слышно прошептал мужчина. – Яков

Марченко.

– Громче. Я не принимаю шёпота.

– Марченко Яков Борисович, – повторил тот, и голос его сорвался, на последнем слоге вышла какая-то петушина нота.

Юрий внёс фамилию в систему. Монитор замигал, задумался – старая техника, её давно пора менять, но Комитет экономил на периферии. Наконец высветилось досье.

Марченко Яков Борисович, сорок семь лет. Место рождения: пригород столицы, восьмой рабочий посёлок. Социальный рейтинг: пятьдесят две целых три десятых. Ниже среднего, но не критично. Особые отметки: «Состоит на учёте как родственник лиц, не прошедших аттестацию». Жена – Марченко Елена Сергеевна, тысяча девятьсот тринадцатого года рождения, проживает на территории Республики. Дети – двое: Марченко Кирилл Яковлевич и Марченко Анна Яковлевна. Оба прописаны в столице.

Юрий перевёл взгляд на служебную записку. Бумага была мятая, исписанная убористым почерком – торопливым, нервным, с кляксами, где карандаш задерживался слишком долго.

«Многоуважаемый Комитет! Я, гражданин Марченко Яков Борисович, проживающий на территории Испы, прошу разрешить мне въезд на территорию Республики сроком на четырнадцать суток для посещения моей жены и детей. Ввиду тяжёлого материального положения не имел возможности

приехать ранее. Заранее благодарен.

Марченко».

Вроде бы обычная бумажка, таких Юрий видел сотни за день. Но что-то его насторожило. Он снова взглянул на старую, прошлогоднюю визу, с уже въевшимися чернилами. Даты были переписаны. Поверх старого срока – «до пятнадцатого апреля» – кто-то тонкой ручкой вывел новые цифры: «до первого сентября». Подделку было почти не отличить от оригинала.

– Это что? – спросил Юрий, поднеся паспорт к самому стеклу. – Поясните, гражданин Марченко.

Мужчина побелел. Не побледнел, а именно побелел – так белеет дешёвое мыло, когда его долго держат в воде. Очки запотели, он снял их трясущейся рукой, протёр о край рубашки. Глаза под ними оказались водянисто-голубые, с красными прожилками.

– Я... я продлил сам, – голос его стал совсем тонким. – Понимаете, я не успел. Мне нужно было ещё время. Дети... они меня ждут. Я обещал приехать на каникулы. А эта волокита... комитетская... они сказали, семьдесят два рабочих дня. А у меня работа, меня не отпускают. Я и подправил.

– Подправили, – повторил Юрий без всякого выражения. – То есть подделали официальный документ. Сознаетесь?

– Не подделал! Я не подделывать... я просто... – Марченко вдруг припал к стеклу всем телом, оставив на нём влажный отпечаток лба. – Сотрудник! Гражданин сотрудник! Я

умоляю вас. Не пишите ничего. Я сейчас уйду. Я всё. Я не въеду. Я уеду обратно. Только не сообщайте. Только не ставьте отметку.

Юрий откинулся на спинку. Хрустнули позвонки – ещё один, третий за день. Он посмотрел на портрет на стене.

Марченко судорожно вздохнул, будто набирал воздух на глубине:

– Я их вывезу. Я их заберу. Отсюда. Из Республики. – Он зашептал громче, переходя на свистящий шёпот: – Там больше нельзя. Вы понимаете? Мать моей жены... её забрали. За то, что она сказала в очереди за хлебом. Сосед донёс. У Елены скоро... тоже могут. Детям в школе внушают, что я враг, потому что я уехал в Испу на заработки. А я не враг! Я отец! Я хочу их вывезти. Я достал документы. У меня есть человек на границе. Мне осталось два дня. Два дня, гражданин сотрудник.

– Вы признаётесь в намерении нелегального перемещения граждан через границу? – спросил Юрий тихо. – Это уголовная статья. Организация незаконной миграции.

– Какая миграция?! Это моя семья! Жена! Моя жена, мои дети! – глаза Марченко налились слезами, но не вытекли – застыли где-то на нижних веках, как роса на травинке. – Я не прошу вас помогать. Я прошу вас не сообщать. Просто нажмите «отказ» и скажите: «Неправильно заполнено». Я уеду. Я найду другой путь. Только не сейчас. Не сегодня.

Юрий медленно перевёл взгляд с мокрого стекла на свои

руки. Пальцы лежали на клавиатуре. Указательный сам собой потянулся к правому нижнему углу – там, где под пластмассовой заглушкой, на ощупь неотличимой от обычного корпуса, пряталась тревожная кнопка. Серая, выпуклая, с крошечным люминесцентным пятнышком, которое слабо светилось даже днём.

– У вас есть право на адвоката, – сказал Юрий и сам не узнал своего голоса. – Право на один звонок. Право на...

– Не надо, – выдохнул Марченко и, кажется, перестал дышать совсем.

– Согласно пункту двенадцать-бис, – начал Юрий, и в этот момент его палец нажал кнопку. – Подделка визовых документов влечёт за собой административный арест сроком до пятнадцати суток с последующей депортацией.

Под стеклом зажглась красная лампа. Радио, которое Юрий выключил ещё час назад, вдруг ожило само по себе, зашипело помехами, и сквозь шум пробился ровный голос диктора:

– ...торжественное обращение Отца народов начнётся через несколько минут. Всем гражданам рекомендовано находиться у радиоприёмников...

С улицы, из-за толстого стекла, донёсся приглушённый топот. Двое в зелёных формах вбежали в коридор. Они не задавали вопросов. Схватили Марченко под руки, пока тот не успел ни вздохнуть, ни сказать последнего слова.

– Жена! – только и крикнул он, когда его выволакивали.

– Дети! Что же вы...

Дверь захлопнулась.

Стало тихо.

Юрий вытер губы тыльной стороной ладони, посмотрел на портрет. Усатый человек смотрел ровно, неморгающе и одобрительно.

– Следующий, – сказал Юрий в микрофон.

Но того, кто должен был прийти следующим, уже не было в очереди. Да и очередь, кажется, давно рассосалась.

Только тогда, когда за окном загрохотали первые залпы праздничного салюта, Юрий позволил себе закрыть глаза на минуту. В темноте перед веками стояло лицо Марченко – белое, как мыло, с водянистыми глазами. И маленькое лицо девочки Анны, которую он уже не увидит.

За окном моросило. Не дождь, а какая-то бледная, бесцветная взвесь, которая делала серое небо ещё более плос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.